

В.А.Козлов

КУЛЬТУРНАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
И
КРЕСТЬЯНСТВО

1921—1927

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Владимир Александрович Козлов

**КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
И КРЕСТЬЯНСТВО
1921—1927 гг.**

**Утверждено к печати
Институтом истории СССР
Академии наук СССР**

Редактор издательства Л. М. Кузнецова
Художник Н. Н. Симагин
Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технический редактор Л. Н. Золотухина
Корректоры Р. С. Алимова, К. П. Лосева

ИБ № 26678

Сдано в набор 14.02.83

Подписано к печати 13.05.83

Т-03979. Формат 84×108¹/₃₂

Бумага типографская № 1

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 11,34. Уч.-изд. л. 12,8. Усл. кр. отт. 11,55

Тираж 1550 экз. Тип. зак. 2538

Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Наука»

117485 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 60

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая	
Общая характеристика культурного развития крестьянства к началу 1920-х годов	20
Культурное строительство в деревне в годы революции и гражданской войны	29
Изменения в политическом сознании крестьян	30
Рост грамотности. Успехи и трудности приобщения крестьян к культуре и знаниям	42
Глава вторая	
Культурно-просветительная и воспитательная деятельность пролетарского государства в деревне	53
Проблемы и трудности просвещения крестьянства в начальный период нэпа (1921—1923 гг.)	53
Поворот партии «лицом к деревне» и усиление просветительной и воспитательной работы (1924—1927 гг.)	59
Глава третья	
Влияние социально-экономических и общественно-политических условий на изменение культурного облика крестьян	74
Социальные различия культурного уровня крестьян. Тормозящее воздействие мелкотоварного сельскохозяйственного производства на культурный прогресс деревни	74
Новые явления в традиционной расстановке культурных сил деревни	93
Взаимосвязь экономической организации хозяйства и культурного уровня крестьянской семьи	98
Причины формирования новых культурных сил в маломощно-бедняцких слоях деревни	104
Глава четвертая	
Изменения в политическом сознании и мировоззрении крестьян	116
Отношение к государственной власти и Коммунистической партии. Расширение политического кругозора	116
Новые представления о социальной справедливости	126
Ослабление религиозности	138

Социальные отношения в деревне и их отражение в сознании крестьян. Социально-классовая специфика политического сознания и мировоззрения	144
Деревенская молодежь: особенности политического сознания и мировоззрения	150
Глава пятая	
Новые знания в деревне: достижения и проблемы	155
Рост грамотности. Изменения в структуре общеобразовательных потребностей	155
Книга и газета в деревне. Читательские интересы крестьянства	160
Расширение словарного запаса и изменения в языке крестьян	173
Заключение	177
Приложение	183
Примечания	185

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

В.А.Козлов

КУЛЬТУРНАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
И
КРЕСТЬЯНСТВО
1921—1927

(По материалам Европейской части РСФСР)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1983

В монографии на материалах губерний европейской части РСФСР рассматриваются социально-экономические, общественно-политические, организационные факторы культурного подъема деревни, механизм воздействия этих факторов на изменение духовного облика крестьян.

Ответственный редактор
академик
М. П. К И М

ВВЕДЕНИЕ

Одной из основных задач всей социалистической революции было, по мнению В. И. Ленина, «помочь воспитанию и образованию трудящихся масс, чтобы преодолеть старые привычки, старые навыки, оставшиеся нам в наследие от старого строя, навыки и привычки собственнические, которые насквозь пропитывают толщу масс»¹. В России, где большую часть населения составляло крестьянство, приобретал особую остроту вопрос: «Как быть, если власть перешла в руки пролетариата в стране, в которой городского пролетариата — меньшинство, а большинство крестьян, привыкших хозяйничать поодиночке, насквозь пропитанных этими привычками раздробленного хозяйничанья?»² Коммунисты прекрасно сознавали, какую серьезную политическую опасность представляла культурная отсталость деревни для судеб пролетарской революции. В. И. Ленин подчеркивал: «Если капитализм победит революцию, то победит, пользуясь темнотою крестьян...»³. С этим высказыванием перекликается и другая мысль: «После политического переворота его надо долго (и тем дольше, чем больше мелких производителей, чем > безграмотных) *переваривать*»⁴.

Решение этой задачи в первое десятилетие Советской власти проходило в условиях, когда существовало мелкотоварное сельскохозяйственное производство, продолжавшее порождать в крестьянской среде мещанские представления, частнособственнические устремления, эгоистические предрассудки, тормозившее подъем образовательного и культурного уровня деревни. Именно крестьяне представляли собой тех мелких производителей, которых *нельзя прогнать... нельзя подавить, с ними надо ужиться, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой*»⁵.

Все это предопределило закономерности культурного развития крестьянства в первое послереволюционное десятилетие, когда тормозящее воздействие мелкотоварного сельскохозяйственного производства на культурный прогресс деревни преодолевалось на основе новых общественно-политических условий и объективной заинтересованности крестьянских масс в строительстве социализма. В тезисах ко II конгрессу Коммунистического Интернационала, обобщая опыт первых лет российской революции, В. И. Ленин писал, что после свержения эксплуататоров, освобождения эксплуатируемых от их рабского положения, улучшения условий жизни за счет экспроприации эксплуататоров, «только после этого и в самом ходе острой классовой борьбы осуществимо просвещение, воспитание, организация самых широких трудящихся и эксплуатируемых масс вокруг пролетариата, под его влиянием и руководством, избавление их от эгоизма, раздробленности, пороков, слабости, порождаемых частной собственностью, превращение их в свободный союз свободных работников»⁶.

В. И. Ленин всегда отчетливо видел связь революционности с культурным уровнем крестьянства. В период первой российской революции он писал: «Чем просвещеннее будет крестьянство... тем последовательнее и решительнее оно будет стоять за полный демократический переворот»⁷; чем быстрее просвещаются крестьяне, тем «более открыто выступают они в политике...»⁸ и т. п. В свою очередь, сама революция была мощным фактором просвещения крестьянства, ибо «ничто и никогда не сравнится, по своему значению, с... непосредственным воспитанием масс и классов в ходе самой революционной борьбы»⁹.

Если попытаться очертить круг тех проблем переходного периода, решение которых было тесно связано с подъемом культурного уровня деревни, то большинство из них окажется в поле нашего зрения. И на первом месте будет стоять самый существенный и самый коренной вопрос всей нашей революции¹⁰ — необходимость осуществления союза рабочего класса и крестьянства, определявшая общее направление культурной политики пролетарского государства в деревне. Не менее тесно соприкасались вопросы культурного подъема села с задачами социалистического преобразования сельского хозяйства, совершенствования советской демократии, борьбы с

бюрократизмом, повышением производительности труда в сельском хозяйстве. Только на основе кооперирования и культурной революции можно было закрыть «сухаревку», которая «живет в душе и действиях каждого мелкого хозяина»¹¹, преодолеть неизбежные политические колебания крестьянства, «составляющие, вообще говоря, самое «натуру» мелкого производителя»¹².

Таким образом, изучение культурного развития советского доколхозного крестьянства не только раскрывает важнейшие вопросы культурной революции, но и существенно углубляет наши представления об основных проблемах переходного периода, а также закономерностях социалистического строительства.

Однако научная значимость и актуальность избранной темы определяется не только этим. В современной историографии особое место занимает история культурного развития классов и социальных групп. Актуальность этой тематики объясняется, прежде всего, тем, что, как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, «нам предстоит большая работа по совершенствованию социалистического образа жизни, по искоренению всего, что мешает формированию нового человека»¹³. Решение этих задач требует глубокого понимания закономерностей и особенностей формирования личности в различных социальных средах, выявления социально-классовой специфики культурного развития масс, анализа факторов культурного развития, закономерностей формирования культурных потребностей, взаимосвязи материального благосостояния, семейно-бытовых условий с культурным обликом личности. Эти вопросы с начала 60-х годов активно разрабатываются социологами. Что касается более ранних периодов, то здесь вся тяжесть работы, естественно, ложится на историков.

Наконец, история советской деревни, в том числе история культурного развития крестьянства, является ареной острой идеологической борьбы¹⁴. И здесь особенно важно раскрыть ведущую роль Коммунистической партии, значение государства диктатуры пролетариата для культурного подъема деревни, показать, что только социализм дает реальные возможности для культурного прогресса крестьян.

Хронологически работа охватывает период 1921—1927 гг., т. е. время с окончания гражданской войны и перехода к новой экономической политике до принятия

курса на массовую коллективизацию, что совпадает с общепринятой периодизацией как истории крестьянства, так и истории культурной революции в СССР. Принятые в монографии хронологические рамки, разумеется, могут быть обоснованы не только ссылкой на общепринятую периодизацию, хотя и это весьма существенно. Дело еще и в том, что окончание гражданской войны и переход к этапу объективно потребовали глубокой перестройки идейно-воспитательной и культурно-просветительной работы партии в деревне. Эта работа была направлена на дальнейшее укрепление союза рабочего класса и крестьянства, закрепление изменений в политическом сознании и мировоззрении деревни, происшедших в годы революции и гражданской войны, постепенное создание культурных предпосылок социалистического преобразования сельского хозяйства. В свою очередь, принятый на XV съезде партии в 1927 г. курс на коллективизацию и дальнейшее углубление культурной революции бесспорно основывался на реальных культурных достижениях крестьянства и открывал новый этап культурного преобразования деревни. Сами эти решения не были каким-то волевым актом, а вытекали из сложившихся к 1927 г. предпосылок, в том числе и культурных. Взяв в качестве конечного рубежа исследования 1927 г., автор получил возможность обосновать это общее положение конкретно-историческим материалом.

В монографии анализируется процесс культурного развития крестьянства европейской части РСФСР. История культурного роста сибирского крестьянства освещена в литературе¹⁵, а культурное развитие деревни в союзных и автономных республиках, отличавшееся рядом существенных национальных особенностей, составляет предмет специального исследования.

Наличие большого числа историографических работ, посвященных истории культурной революции в СССР, в которых в той или иной форме затрагивается историография культурного строительства в деревне и дается ее общая оценка¹⁶, избавляет нас от необходимости подробно рассматривать этот вопрос. Но на некоторых чертах современной историографии необходимо остановиться.

В работах 20-х годов, принадлежавших перу видных деятелей партии и государства, руководящих работников Наркомпроса и Главполитпросвета, культурное развитие

деревни анализировалось на широком фоне социально-экономических и общественно-политических проблем¹⁷. Этот подход был практически реализован в конкретно-социологических обследованиях деревни 20-х годов, носивших общий и специальный характер (речь о них пойдет ниже). В исследованиях того времени ставился целый ряд актуальных и интересных проблем. Таких, как влияние экономического развития крестьянского хозяйства на его культурный уровень, социально-экономический детерминант культуры, классовая борьба как фактор культурного развития, влияние культурного уровня крестьянства на экономический рост страны и ряд других. В дальнейшем становление историографии культурного строительства в деревне пошло по пути преимущественного изучения культурно-просветительной работы, ее форм и методов, а также истории ликвидации неграмотности. В результате по этим вопросам мы имеем ряд серьезных исследований, составляющих основную часть современного историографического фонда¹⁸. Вместе с тем очевидно, что изучение данных аспектов проблемы раскрывает, главным образом, возможности, предоставляемые личности обществом. Процесс же реализации этих возможностей, т. е. степень и характер приобщения крестьянства к культуре, исследуется пока недостаточно. А многие перспективные направления исследования еще практически не реализованы.

На Всесоюзной конференции «Советская культура как предмет исторического исследования» был отмечен ряд недостатков в работах по истории советской культуры, характерных и для историографии интересующей нас темы. Это, прежде всего, «отраслевой» подход к изучению культуры и определенная «автономность» историко-культурных исследований, когда культурные процессы рассматриваются в отрыве от экономических, политических, бытовых и других общественных явлений¹⁹. Другой недостаток существующей литературы состоит в том, что «теперь, когда потребовалось знание культуры классов, выяснилось, что в опубликованных трудах по истории культуры нет социального «среза», а данные о культуре масс носят суммарный характер»²⁰.

Вопросы культуры и быта советского доколхозного крестьянства рассматриваются в последнее время и в исследованиях по аграрной истории²¹. Но число таких работ пока еще невелико, анализ культурных проблем, по

вполне понятным причинам, занимает в большинстве из них второстепенное место.

Особую группу составляют работы, посвященные общественно-политической жизни деревни, в которых обстоятельно рассмотрены некоторые вопросы, связанные с ростом политического сознания крестьян. Речь прежде всего идет об исследованиях по истории союза рабочего класса и крестьянства, классовой борьбы в деревне и т. п.²² Но и в данном случае исследователи не ставят специальной целью показ изменений в духовном облике крестьянства, ограничиваясь лишь общей характеристикой этого процесса. Непосредственное отношение к нашей теме имеют немногочисленные работы, специально анализирующие отношение трудового крестьянства к политике партии и государства в деревне²³. Появились первые исследования, посвященные идеологии и нравственности доколхозного крестьянства²⁴.

В последнее время опубликованы работы о читательских интересах крестьянства 20-х годов²⁵.

Общее состояние историографии в настоящий момент таково, что оно позволяет перейти к более глубокому изучению закономерностей и особенностей культурного развития мелкотоварной деревни в условиях диктатуры пролетариата: рассмотрены некоторые серьезные методологические проблемы, изучен социально-экономический и общественно-политический фон культурных явлений, подробно освещена история народного образования и культурно-просветительной работы. Вместе с тем и историки-аграрники, и специалисты по истории культуры единодушны в том, что изучение идеологии и социальной психологии, культурного развития деревни является пока отстающим участком советской исторической науки²⁶.

В рамках одной работы невозможно рассмотреть все направления и аспекты культурного развития крестьянства 20-х годов. От историка, таким образом, требуется определенное самоограничение, которое должно опираться на выявление ведущих для данного периода направлений культурного развития.

Исходной точкой ленинского плана культурной революции было коренное изменение идеологической сущности культуры. Во всех новейших исследованиях на первое место в числе задач культурной революции выдвигается следующая: «Осуществить коренное изменение в сознании миллионов людей, воспитывавшихся в духе

буржуазной и мелкобуржуазной частнособственнической идеологии и морали, религиозно-идеалистического мировоззрения, добиться безраздельного господства коммунистической идеологии в сознании всех слоев общества»²⁷. Для конкретно-исторического раскрытия того, как решалась эта проблема в 20-е годы, необходимо прежде всего обратиться к изучению изменений в политическом сознании и мировоззрении крестьянства. Именно политическое сознание, как подчеркивает М. П. Ким, «занимает ведущее место во всей системе общественного сознания трудящихся», именно ему «принадлежит ведущая роль в духовной жизни советского народа»²⁸.

Построение социализма предполагает высокий уровень сознательности широких народных масс. «Надо поставить дело так, — говорил В. И. Ленин, — чтобы каждый трудящийся прилагал все силы к укреплению рабоче-крестьянского государства... Нужно, чтобы сознание это проникло в массы, и чтобы оно не только проникло в массы, но и закрепились в них практически... После всякого глубокого политического переворота народу нужно много времени для того, чтобы этот переворот себе усвоить»²⁹. Таким образом, в изучаемый период среди задач культурной революции особое место занимали задачи политического просвещения, которое, по мысли В. И. Ленина, было «подведение итогов всему»³⁰.

Для правильного понимания этой проблемы чрезвычайно важен вопрос о критериях изменений в политическом сознании крестьян в условиях диктатуры пролетариата. Очевидно, что рост политического сознания крестьянства надо рассматривать в связи с процессом постепенного перехода трудового крестьянства на идеологические позиции рабочего класса, превращения крестьян в сознательных участников социалистического строительства. Окончательное завершение этого процесса возможно только на основе кооперирования и создания крупного социалистического земледелия. Подчеркнем, что В. И. Ленин видел прямую связь политической сознательности крестьянских масс с их отношением к общественной обработке земли³¹.

Понятно, что окончательное политическое перевоспитание крестьянства, очищение крестьян от того мха, который, как говорил В. И. Ленин, «слишком достаточно накопила на них история»³², было невозможно в конкретных условиях первого советского десятилетия, при

сохранявшемся мелкотоварном сельскохозяйственном производстве, а следовательно, двойственности в положении и позиции мелкого товарного производителя. Не случайно В. И. Ленин говорил, что внесение в крестьянскую среду коммунистических идей нельзя понимать так, «будто мы должны нести сразу чисто и узкокоммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, гибельно для коммунизма»³³. Вместе с тем для проведения массовой коллективизации сельского хозяйства нужен был уже достигнутый и относительно высокий уровень политического сознания крестьян. Поэтому необходим конкретный анализ того, как далеко в условиях мелкотоварного сельскохозяйственного производства может пойти крестьянство в своем политическом развитии и какой уровень этого развития необходим для успешного проведения массовой коллективизации сельского хозяйства.

В одной небольшой работе, разумеется, нет возможности рассмотреть все проявления политического сознания крестьянства (особенно с учетом того, что конкретно-исторический анализ проблемы только начинается), необходимо показать основное и существенное. А основным и существенным в политическом сознании класса является его отношение к государственному строю, правящей партии и ее целям, другим классам и социальным группам, представления о справедливости. Именно этим вопросам политического развития крестьянства уделяется основное внимание в монографии.

Политическое просвещение крестьянства было связано с повышением его образовательного уровня, расширением знаний и представлений об окружающем мире. Социолог С. Михайлов видит определенное качественное различие между понятиями «сознательность» и «культурность» личности. И он прав в том смысле, что понятие «культурность» включает в себя «знания в качестве информации о действительности, но не включает оценку соответствующих явлений»³⁴. Последнее как раз и определяется сознательностью личности. Политическое сознание человека придает определенную классовую окраску его духовному облику и формирует те политические цели, на реализацию которых направлен интеллектуальный арсенал человека. Вместе с тем сознательность, понимаемая как

оценочное отношение к общественным явлениям и другим людям, хотя и не совпадает с культурностью (совокупность знаний и представлений о природе и обществе), в то же время является важнейшим элементом культурного облика личности, его идеологической основой.

Объективные условия труда и быта крестьян ограничивали не только рост их политического сознания, но и повышение образовательного уровня. В условиях мелко-товарного сельскохозяйственного производства само по себе развитие материально-технической базы культуры, культурно-просветительной работы и народного образования не могло устранить ни социальных различий в образовательном уровне крестьян, ни того, например, факта, что бедняки и маломощные середняки имели крайне ограниченные материальные возможности для удовлетворения своих культурных потребностей, не всегда могли посылать детей в школу или вынуждены были забирать их оттуда раньше времени. Только общественная обработка земли была «выходом, действительно прочным и приближающим массу крестьян к культурной жизни»³⁵. Однако проведение массовой коллективизации требовало достижения крестьянством определенного образовательного уровня. Следовательно, и в данном случае нужен конкретно-исторический анализ взаимосвязи ленинского кооперативного плана и культурной революции в деревне.

Таким образом, в центре нашего исследования поставлены две основные проблемы: рост политического сознания и изменения в мировоззрении крестьян и повышение общеобразовательного уровня деревни.

Разумеется, этими вопросами проблема изменений в духовном облике крестьян не исчерпывается. Однако их конкретно-исторический анализ позволяет судить о важнейших закономерностях и особенностях начального этапа культурной революции в деревне, основных социальных последствиях этого процесса, а кроме того, подготавливает почву для дальнейшего изучения культурного развития доколхозного крестьянства.

В литературе последних лет наметилась определенная тенденция рассматривать крестьянство 20-х годов прежде всего как объект культурного воздействия социалистического города³⁶. В практике конкретных исследований этот подход проявился в преимущественном интересе к истории культурно-просветительной работы на селе. Такой

взгляд на процессы культурного роста крестьянства 20-х годов представляется недостаточно диалектичным. В этом случае культурное развитие крестьян становится похожим на «вливание» культуры в деревню, а основной круг исследовательских проблем ограничивается укреплением материально-технической базы культуры, совершенствованием культурно-просветительной работы и народного образования. Заметим попутно, что культурное воздействие пролетарского государства на деревню включает в себя не только организацию культурно-просветительной работы и народного образования, но и весь комплекс политических, экономических и культурных мероприятий партии и государства. Речь, в частности, идет о соответствии содержания политических и экономических решений целям и задачам идейно-воспитательной работы, а также о культурных последствиях экономических и политических мероприятий³⁷.

Подход к крестьянству только как объекту культурного воздействия может породить опасную для практики культурного строительства иллюзию, что пути решения культурных проблем лежат исключительно в сфере самой культуры. Между тем марксистский тезис о том, что «формы и продукты сознания могут быть уничтожены не духовной критикой.., а лишь практическим ниспровержением реальных общественных отношений»³⁸, предполагает конкретно-исторический анализ тормозящего воздействия мелкотоварного сельскохозяйственного производства на культурный прогресс деревни.

Подход к культуре не только как к совокупности духовных ценностей, но и активной творческой деятельности людей неизбежно требует изучения крестьянства как субъекта культурной деятельности. Под культурной деятельностью следует понимать не только участие в создании культурных ценностей, но и сам процесс освоения культуры. Здесь основной проблемный узел — выявление источников культурных потребностей (в области экономики, классовой борьбы и т. п.), толкавших крестьян на целеустремленное освоение культуры.

Таковы некоторые методологические проблемы, имеющие, на наш взгляд, принципиальное значение для изучения культурного роста советского доколхозного крестьянства. Ряд других методологических вопросов будет рассмотрен в процессе конкретного исследования.

Круг источников, которыми располагает историк, обратившийся к изучению культурного развития крестьянства 20-х годов, весьма обширен и разнообразен. Это, прежде всего, труды В. И. Ленина, в которых содержится принципиальная оценка итогов и перспектив культурного развития крестьянства в связи с задачами социалистического строительства, дается характеристика основных направлений культурной политики в деревне. Эти же вопросы освещаются в материалах партийных съездов, конференций, пленумов ЦК, партийных совещаний по работе в деревне и культурному строительству.

Важную информацию для изучения культурной политики партии и государства в деревне дают законодательные материалы, официальная отчетность Наркомпроса и Главполитпросвета. Эти источники достаточно хорошо известны и многократно использовались, поэтому нет необходимости специально останавливаться на их характеристике.

Характеристика грамотности крестьянства содержится в материалах переписей 1920 и 1926 гг. Но в официальных публикациях итогов переписи 1920 г. данные о грамотности отсутствуют. Характеристика грамотности деревни по основным регионам РСФСР дается в публикации «Грамотность в России: К X съезду Советов РСФСР» (М., 1922). Однако здесь нет сведений о грамотности сельского населения по губерниям. Эти сведения (по некоторым губерниям) были отдельно разработаны статистическим отделом Наркомпроса, но только в отношении населения в возрасте 15—49 лет. Необходимые данные можно встретить и в ряде других публикаций, не носящих официального характера.

Значительно лучше обстоит дело с материалами Всесоюзной переписи населения 1926 г. Сведения о грамотности присутствуют в двух отделах многотомной публикации итогов переписи. В первом отделе приводятся данные о грамотности всего сельского населения, во втором — о грамотности непосредственно крестьянства в группировке по положению в занятии. Эти материалы, дающие характеристику грамотности крестьян в социальном разрезе, насколько нам известно, до сих пор не привлекли внимания исследователей. Сведения о грамотности непосредственно крестьянства содержатся в публикации итогов сельскохозяйственной переписи 1920 г. Эта публикация также дает выход на социальную характеристику